

ЭФОРУМ

№ 4 (25) октябрь, 2011 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗНАКОМИМСЯ.....2 **УЗНАЕМ**7 **УЧИМСЯ**9 **НЕ ШУТИМ**15

Интервью с Николаем Ссориным-Чайковым. Что сближает антропологические и социологические исследования?

Интервью с Рене Алмелинг. Рынок телесных товаров: семьи на продажу

Интернационализация российской экономической социологии за пять дней: третья летняя школа ЛЭСИ

И целого мира мало

Уважаемые читатели!

Одна из первостепенных задач, которую решает сегодня Высшая школа экономики, – вхождение в число ведущих университетов мира. Посему в последние годы идеи интернационализации образования перешли из разряда абстрактных идей в разряд конкретных действий, став частью жизни каждого из нас. В частности, перед преподавателями и студентами возникает необходимость выработки стратегий для продуктивного включения в международные образовательные и исследовательские сети. Данные веяния не миновали и «ЭСФорум». В октябрьском выпуске мы коснемся вопросов интернационализации экономической социологии. В рубрике «Знакомимся» представлено интервью с Николаем Ссориным-Чайковым, который в 1990-х годах по окончании истфака МГУ уехал учиться в Стэнфордский университет. Так началась его международная карьера в антропологии. Сегодня он является преподавателем Кембриджского университета. В своем интервью Николай Ссорин-Чайков рассказывает о том, как происходит кругооборот идей между дисциплинами, насколько близки сегодня социология и антропология, а также каким образом выставка в музее может стать инструментом научного исследования.

В рубрике «Узнаем» опубликован перевод беседы с доцентом Йельского университета Рене Алмелинг, состоявшейся накануне выхода ее книги «Половые клетки: медицинский рынок яйцеклеток и спермы» (University of California Press, 2011). На примере рынков телесных товаров Рене Алмелинг рассуждает о взаимосвязях культуры и экономики, показывает, как результаты научных исследований могут способствовать задачам социальной политики в области коммодификации социально запутанных благ, а также делится с читателями секретом, как лучше выбирать темы для изучения.

В рубрике «Учимся» помещен репортаж, подготовленный совместно студенткой магистратуры Алисой Максимовой и преподавателем Высшей школы экономики Еленой Бердышевой. Он посвящен третьей летней школе Лаборатории экономико-социологических исследований, которая

работала в ближайшем Подмосковье в июле 2011 г. Крут вопросов и активное участие в мероприятии западных профессоров позволили превратить летнюю школу ЛЭСИ в настоящую пятидневку интернационализации российской экономической социологии.

В рубрике «Не шутим» анонсируется международная конференция «Укорененность и за ее пределами: объясняют ли социологические теории экономическую реальность?», которая состоится в НИУ ВШЭ 25–28 октября 2012 г. Представьте, что такие звезды мировой экономической социологии как Фрэнк Доббин, Карин Кнорр-Цетина, Дэвид Старк, Брайан Уци, Нил Флигстин и др. дали свое согласие на участие и приедут в Москву. И это не шутка, мы анонсируем предстоящую конференцию серьезно. Организаторы уже проделали большую работу по ее подготовке. Мероприятие обещает быть ценным с точки зрения интеграции международного экономико-социологического сообщества: «и целого мира мало».

Увлекательного чтения!
Создатели «ЭСФорума»

Интервью с Николаем Ссориным-Чайковым.

Что сближает антропологические и социологические исследования?

Николай Ссорин-Чайков

доктор философии (PhD по антропологии), научный сотрудник и преподаватель Университета Кембриджа, Великобритания

– Почему Вы решили заниматься антропологией? Как складывался Ваш профессиональный путь?

– В начальной школе я любил играть в индейцев. В какой-то момент, классе в шестом, я понял, что этнография или антропология в некотором смысле есть способ продолжать в них играть. Изначально у меня был интерес к экзотическим культурам, но потихоньку я переключился и на более обыденные вещи.

– Как вышло, что Вы стали изучать антропологию в аспирантуре Стэнфорда?

– Окончив истфак МГУ по кафедре этнографии, я поступил в аспирантуру Института этнографии, который теперь называется Институтом этнологии. В то время американский фонд IREX спонсировал сдачу российскими студентами экзаменов TOEFL и GRE в американскую аспирантуру. Шел набор на социологию, но мне хотелось поступить на антропологию, и когда нужно было поставить галочку напротив кафедры, которую ты выбираешь, я отметил именно ее. К счастью, ни советские боссы, которые нас направляли, ни представители фонда IREX на том этапе документы уже не проверяли. Спонсорская программа позволяла направить результаты экзаменов в четыре университета одновременно. Я подавал в Стэнфорд, Университет Джонса Хопкинса,

Корнельский университет и Университет Дьюка. Поступил во все, но выбор остановил на Стэнфорде.

– Чему была посвящена Ваша диссертация?

– Я продолжил заниматься Сибирью, как и в аспирантуре Института этнографии, но тогда мои интересы были весьма неконкретными. Тема моей диссертации на самом деле оформлялась уже в ходе эмпирического исследования. Правда, я изначально тяготел к этнографии современности, а не к этнографии традиционной культуры. На четвертом году обучения в Стэнфорде я поехал собирать данные в Сибирь. Мне хотелось реализовать проект о становлении этнической идентичности, увидеть, как она конструируется. Однако на полевом этапе стало понятно, что мой замысел в общем-то носит абстрактный характер. Начав работу с изучения национальной идентичности, в итоге я пришел к этнографии государства. В диссертации и в книге, написанной по результатам этого исследования, я искал ответ на вопрос: «Какую форму государство принимает в повседневной жизни людей, которых само оно считает живущими за пределами его границ – “дикарями”, “детьми природы”»¹.

– В чем состоял уход от идеи национальной идентичности?

– Изучать национальную идентичность – значит реконструировать, кто такие эвенки и как образовался эвенкийский автономный округ, как культивировалась эвенкийская идентичность или идентичность других народов Сибири, и т.д. А если говорить об этнографии государства, то она предполагает исследование отдельных государственных институтов, скажем, совхоза, а также описание и анализ того, каким образом циркули-

руют символы государства, например, медали за участие в ВОВ. Какую роль в жизни и в повседневных социальных взаимоотношениях людей играют представления о сильном государстве? Почему среди народов Севера сталинистов не меньше, чем среди остального населения России, хотя такие народы могут жить очень далеко от центра государственной власти. Почему даже в советское время они были послушными подданными, хотя от коллективизации можно было легко уклониться: ушел на несколько километров в тайгу, и тебя не найти. И когда в 1930-е годы организовывали собрания, после которых шаманов и кулаков увозили, люди безропотно приходили на эти собрания, принимали новый порядок, несмотря на то что существовало немало возможностей его избежать. В 1940-е годы рядом с тем местом, где я вел полевую работу (чуть ниже по течению Подкаменной Тунгуски), возникли несколько старообразческих деревень, созданных староверами, которые отказались участвовать во Второй мировой войне. Они были государственными дезертирами, но никто их особо не ловил. Получается, если вы хотите жить по-своему, но за пределами государства, – пожалуйста.

– То, что Вы говорите, созвучно идеям Мишеля Фуко.

– Да, я тогда и заинтересовался работами Фуко, и особенно его концепцией «governmentality». И такой подход отличался от распространенных в то время объяснительных схем. В период, когда я работал над диссертацией в поле (1993–1995 гг.), этнография государства как исследовательская область находилась в стадии становления. Это совершенно другая тема, нежели обращение к традициям, к истокам, к «старине» – популярным в те годы вопросам, которые долгое время служили стимулом интереса к национальной политике, националь-

¹ Речь идет о книге: Ssorin-Chaikov N. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford: Stanford University Press, 2003.

«Даешь Сибирь!» Фекляев В.Н., 1978. Источник: www.plakaty.ru

ной идентичности. Но ими занимались многие, и это быстро превратилось в рутину. На мой взгляд, более «свежим» был вопрос, как трактовать государство, если мы говорим о нем не как о субъекте или о чем-то, что может быть обозначено словом «оно». Было очевидно, что роль государства в повседневной жизни со временем меняется. В конце 1980-х – начале 1990-х годов была очень актуальна тема независимости от государства. Но уже к середине 1990-х годов, когда я работал в поле, настроение трансформировалось: появилась ностальгия по сильному государству и централизованной власти, все хотели «назад» – в колхоз, в Советский Союз. Наблюдая такую динамику, я стал больше внимания уделять историческим архивам. В основу моей работы в итоге легли не только полевые, но и архивные материалы. Меня особенно привлекали ситуации, когда люди, казалось бы, живущие далеко от центров государственной власти, при встрече с каким-нибудь заезжим налоговым инспектором начинали показывать свою верноподданность, давая расписки о пожертвовании в какой-нибудь монастырь. Это для них было символом причастности к государству, и такими поступками они гордились.

– **Есть наблюдение, что в антропологии и в социологии в какой-то момент важными становятся одни и те же авторы?**

– Да, есть такое.

– **На Ваш взгляд, чем обусловлен такой «импорт», и как он осуществляется? Сейчас говорят про кризис экономической антропологии. В какой степени междисциплинарный подход может придать этой науке динамику?**

– Здесь два вопроса. Во-первых, про междисциплинарность и, во-вторых, про экономическую антропологию. Если говорить о междисциплинарности, то, на мой взгляд, движение теорий идет от одной дисциплины к другой и в обратном направлении. В какой-то исторический момент и социология, и антропология формировались благодаря идеям Карла Маркса, Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма. Три эти фигуры принадлежали одновременно разным дисциплинам. И глупо спорить, на какую из них они оказали большее воздействие. Считается, что пик влияния антропологии на другие дисциплины совпадает с популярностью двух авторов – Клода Леви-Стросса и Маргарет Мид. Антропология Леви-Стросса диктовала модели, к примеру, театроведению, истории и социо-

логии. Сам же Леви-Стросс черпал идеи в структурализме, который шел от фонологии, лингвистики и кибернетики. И здесь мы видим операцию обмена, а не просто однонаправленного перевода концептов из одной области в другую. Происходит циркуляция идей и методологий. Похожая ситуация складывается и с Маргарет Мид. Ее основные работы написаны тогда, когда антропология служила опорой для педагогики, публичной культуры в США, и т.д. Причем ее влияние проявлялось в традиционной для антропологии манере: вы вот считали свои американские модели социализации универсальными, а мы вам покажем, что это не так, да еще и с примерами из экзотического Самоа; мы продемонстрируем, что, например, вовсе не обязательно в подростковом возрасте впадать в депрессию. Вместе с тем методология и воззрения Маргарет Мид и других исследователей того направления сформированы под сильным воздействием психоанализа. В 1920–1930-е и потом в 1940-е годы психоанализ оказался популярным в антропологии, но позднее интерес к нему упал. Сейчас он заново возрождается, но со ссылками уже не на Зигмунда Фрейда, а на Жака Лакана и Славоя Жижека. Мы наблюдаем циркуляцию идей, которые возникают в одной дисциплине, потом мигрируют в другую, затем перевариваются там и возвращаются назад. Похожим образом можно говорить о междисциплинарной популярности Клиффорда Гирца, который еще раз после Леви-Стросса заставил литературоведов, историков и других гуманитариев обратить внимание на антропологию. И в то же время понятно, что насыщенное описание Гирца неотделимо от некоторых веберовских концептов – таких как идеи понимающей или интерпретативной социологии. Опять оказывается, что точка влияния является точкой перевода. Если рассматривать не точки, а сети, то можно увидеть не столько влияние внешнего на внутреннее ядро дисциплины, сколько циркуляцию.

– **Вы упоминали Мишеля Каллона. Это внешняя фигура по отношению к антропологии? Это тоже «импорт»?**

– С одной стороны, «импорт», а с другой – не совсем, поскольку импорт идей Мишеля Каллона идет через осмысление работ Брюно Латура. А Латур называет себя антропологом науки. Но с позиции идентичности не все антропологи будут считать Латура антропологом. Впрочем, не все антропологи и друг друга признают антропологами. Обсуждение дисциплинарных границ происходит постоянно, так же как и попытки выставить определенных людей за пределы этих границ. Нередко можно услышать: «Разве это антропология? Какая же это антропология?» Сказывается возраст исследователей, локальные конфигурации их профессиональных биографий. Несомненно, что Каллон становится важным в антропологии, но его влияние идет через антропологию науки, т.е. в значительной мере через фигуру Латура. В каких-то вопросах его подход радикальнее, интереснее, чем подход Латура, в частности, когда последний утверждает, что теория ANT (*actor-network theory*) – это не то, что вы пишете, а та ручка, при помощи которой вы пишете, т.е. чистый метод. Что нового с помощью этого метода Вы, товарищ Латур, говорите про науку? Это еще вопрос про то, что именно? В случае с Каллоном и его теорией перформативности гораздо яснее, какая исследовательская оптика формируется в рамках его подхода. Еще один пример круговорота идей. С одной стороны, исследования сетей возникают раньше: и в социологии, и в антропологии они появились за несколько десятилетий до работ Латура. А с другой – включение в сети так называемых нечеловеческих субъектов, материальных предметов и прочее сильно модифицирует данное видение, одновременно с этим раскрывая антропологию по-новому. Но в антропологии есть своя традиция изучения нечеловеческих субъектов, не только материальных предметов, но и шаманских духов и др. Вы открываете ящик Пандоры («Надежда Пандоры» – название одной из книг Латура), а оттуда вываливается целая коллекция антропологических скелетов.

– Получается, что объяснение происходит поверх границ дисциплин...

«Восстановим!» Корецкий В.Б., 1947. Источник: www.plakaty.ru

– Да, поверх границ дисциплин.

– Однако дисциплинарные границы все-таки существуют, и тогда возникает вопрос, зачем они нужны?

– Дисциплинарные границы востребованы с точки зрения бюрократической организации науки. Это вопрос бюрократических конвенций в отношении того, что считать критериями научности знания. В реальной практике разница между исследованиями, которые проводятся на кафедрах антропологии и социологии Кембриджа может быть минимальной. Хотя дисциплинарные границы – это еще и вопрос идентичности. Люди тепло относятся к дисциплине, которую они считают своей. Когда заходит речь о том, как исследователи определяют свое место в науке, возникают нарративы о происхождении их убеждений, когда один себя возводит к Брониславу Малиновскому, другой к Марселю Моссу, и т.д. Впрочем, все это вполне consistently тому, что исследовательские практики реализуются поверх дисциплинарных границ. Просто идентичность исследователей, как и любая идентичность, противоречива.

– И так было всегда, это не является особенностью современного периода?

– Да, всегда.

– Возвращаясь к экономической антропологии, не могли бы Вы прокомментировать, что собой представляет сегодня эта отрасль науки, каково ее современное состояние?

– Состояние экономической антропологии, если так можно выразиться, сегодня «никакое». Эта дисциплина была создана в первой половине XX в., когда предмет антропологических исследований соотносился с рубриками жизни: здесь политика, здесь экономика, здесь религия, здесь родство. Такая классификация антропологических исследований поддерживалась традицией преподавания: студентам читались такие курсы, как юридическая антропология, экономическая антропология и т.д. Таким образом, на каждый феномен приходилась своя антропология, своя субдисциплина. В 1940–1950-е годы кембриджские учителя говорили одной из аспиранток: «когда вы едете в поле, у вас для полевого дневника должно быть несколько цветных карандашей. Про религию вы пишете красным карандашом, а про экономику зеленым». Но где провести границу между политикой, экономикой, религией и т.д.? В жизни это невозможно. И примерно в 1980-е годы искусственность этих

подразделов становится очевидной, и субдисциплины исчезают. В отношении такой жизненной сферы, как экономика, сказанное выше особенно справедливо. Понимание того, что такое экономика, совершенно меняется. Уходит представление о том, что хозяйство есть автономное пространство. Появляется идея перформативности экономического знания. Благодаря не столько Каллону, сколько работам Фуко становится ясно: экономика есть одновременно и область повседневной деятельности, и область знания, которая производна от западного понимания того, что такое экономика. В таком свете предмет экономической антропологии сужается очень сильно. Если раньше можно было даже в нерыночном советском традиционном обществе указать на определенные практики и считать их экономическими, то сегодня так поступать нельзя. Практики, которые должны изучаться экономической антропологией в традиционном понимании, – рынок, дар, труд, потребление, производство и т.д., – можно также назвать материальными, символическими, политическими и т.д., а значит, они являются предметом исследования одновременно для антропологии вещей, антропологии культуры, антропологии политики и др. Хозяйственная жизнь сегодня исследуется даже больше, чем раньше, однако, люди, которые ею занимаются, как правило, не идентифицируют себя с экономическими антропологами. Иными словами, не исследования экономических явлений оказались в кризисе, сомнению была подвергнута их предметная принадлежность в классификации антропологических дисциплин. Вы можете сказать, что занимаетесь антропологией экономики или антропологией права, но если при этом вы назовете себя экономическим, или политическим, или юридическим антропологом, это прозвучит старомодно. Как будто вы воскресший динозавр и ваше время – 1960–1970-е годы.

– **Недавно в Кембридже прошла конференция по антропологии долга², где Вы выступили в качестве руководителя секции и сле-**

дали доклад на пленарном заседании. Расскажите, пожалуйста, откуда возникла такая идея? Как выбиралась тема?

– Тема данной конференции родилась благодаря ее актуальности на Западе, потому что недавний финансовый кризис – это долговой кризис, в первую очередь связанный с перепродажами ипотечных долгов в США. Данный факт стал злободневной проблемой для экономик определенного типа. И вместе с тем совпал с пониманием антропологами того, что им нечего сказать по данному поводу, поскольку долгами они особо не занимались. Хотя чувство долга и задолженность – понятия, хорошо знакомые антропологам, но они не изучались в контексте рыночной экономики и концептуализации долга в том смысле, в котором он стал причиной кризиса.

– **Однако в «Annual Review of Anthropology» можно найти обзоры по антропологии долга...**

– Да, но это совсем недавние работы. Не нам одним пришла в голову мысль изучать экономику долга, она посещает и многих других исследователей. Моя хорошая подруга, американский антрополог Памела Балланжер, которая работает сейчас в Мичиганском университете, еще в период нашего обучения в аспирантуре обращала мое внимание на примечательный факт: «все студенты в долгах как в шелках, они только начинают карьеру, но уже имеют долг 30–40 тыс. долл. США, и не потому, что они берут заем на обучение, а потому, что банки присылают им кредитные карты, по которым можно покупать в кредит. Все в долгах, а никто этого не изучает». И действительно, зачастую тема долга игнорировалась. К слову, очень интересно разобраться в том, как происходит становление новых научных направлений. Можно предположить, что исследователи пытаются реагировать на то, что актуально здесь и сейчас — в том обществе, где живут сами антропологи. В об-

ществе возрастает внимание к финансовой сфере, и антропологи последние лет десять активно обращаются к этнографии финансов, денежных форм и единиц. Например, работы Билла Маурера³, Хироки Миязаки⁴. В условиях кризиса актуальной оказывается тема долга. А так как среди антропологов сегодня численно доминируют американские антропологи (в Американской антропологической ассоциации значится порядка 10 тыс. человек), то, что они считают важным для себя сегодня, влияет на то, какого рода научные изыскания проводятся. Темы антропологических исследований в данном случае возникают под влиянием того, что происходит в США.

– **Расскажите, пожалуйста, о выставках, которые Вы организуете в России. И в частности о последней из них – «Дары вождям».**

– Дело в том, что после того как я защитил диссертацию и написал книгу о Сибири, мое внимание привлекла антропология дара, особенно практики подношения даров главам советско-российского государства, что тесно связано с этнографией государства, которая не перестает меня интересовать. Выставками я занимаюсь совместно с моей московской коллегой, искусствоведом Ольгой Сосниной. Выставку «Дары вождям» мы курировали вместе. Такой творческий тандем куратора музея и исследователя, искусствоведа и антрополога представляет собой также

³ Maurer B. Finger Counting Money // *Anthropological Theory*. 2010. Vol. 10. No. 1–2. P. 179–185; Maurer B. Re-socialising Finance? Or Dressing It in Mufti? Calculating Alternatives for Cultural Economies // *Journal of Cultural Economy*. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 65–78; Maurer B. The Anthropology of Money // *Annual Review of Anthropology*. 2006. Vol. 35. P. 15–36; Maurer B. Mutual Life, Limited: Islamic Banking, Alternative Currencies, Lateral Reason. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2005.

⁴ Miyazaki H. Economy of Dreams: Hope in Global Capitalism and Its Critiques // *Cultural Anthropology*. 2006. Vol. 21. No. 2. P. 147–172; Miyazaki H. The Temporalities of the Market // *American Anthropologist*. 2003. Vol. 105. No. 2. P. 255–265.

² Conference «Debt: Interdisciplinary Considerations of an Enduring Human Passion», Cambridge, May 12–14, 2011. URL: <http://www.crashh.cam.ac.uk/events/1339/>.

междисциплинарный проект, не типичный ни для западной, ни для российской антропологии. В этом смысле мы обнаружили никем не занятую нишу. Мы ведем исследования по темам, которые потом служат основой для организации выставок. Иначе говоря выставка оказывается определенного рода продуктом исследования, отличимым от публикаций. Одновременно с этим выставки являются и способом изучения. Организуя экспозицию «Дары вождям», мы понимали, что одновременно анализируем постсоветское общество. Это была своего рода этнографическая провокация.

– **Что значит «исследуем» в данном случае?**

– С одной стороны, выставка «Дары вождям» была презентацией результатов исследования общественности, с другой – к самому процессу организации этой выставки мы относимся как к инструменту изучения постсоветской публики. И через публику, которая ходит на такие выставки, через ее представления о советском, мы узнаем интересные вещи о постсоветском обществе. В ходе такой работы у нас возникла, например, идея, что постсоциализм является хронотопом: пространство территории бывшего СССР воспринимается людьми через отношение к советскому времени⁵.

– **А почему возникает интерес к временному аспекту?**

– Время – одна из интересных антропологических проблем, которая меня занимает. И хотя дар традиционно считается понятием экономической антропологии, я определил бы себя как человека, который интересуется антропологией времени, а не антропологией экономики. В том числе потому, что время очень важно для отношений обмена дарами. Между даром и отдаром должен быть интервал, причем, как говорит Пьер Бурдьё, не маленький, не большой, а правильный. Отдарить нуж-

но не поздно, но и не рано. Ритмы обмена важны и для рынка, и для бартера, и эти ритмы очень неравномерны. И в ситуации дарения, и в ходе товарного обмена всегда участвуют как минимум две стороны. И временные ритмы могут совершенно по-разному восприниматься участниками. Налицо интересная проблема: социальное время оказывается многомерным, негомогенным, множественным. Социальное время – это гетерохрония.

– **Мне известно, что у студентов социологического факультета НИУ ВШЭ большой интерес к антропологии. Можете ли Вы посоветовать им, как лучше построить этнографическую исследовательскую работу?**

– Надо сразу сказать, что студента бакалавриата очень сложно отправить в поле. Это не делается ни в России, ни на Западе. Исключением является филологический факультет Кембриджа, где студенты бакалавриата проводят год в стране изучаемого языка. Но такой способ организации учебного процесса сложно превратить в норму (хотя могло бы получиться очень хорошо). На социологическом факультете ВШЭ речь идет скорее о краткосрочных полевых исследованиях, например в течение лета. И здесь я бы посоветовал молодым специалистам пытаться искать новые формы этнографического исследования, которые не сводятся к наблюдению со стороны, к подсматриванию, к интервью, но требуют более близкого взаимодействия. Если человек изучает рынок, то можно попробовать на этом рынке поработать; если этнограф наблюдает домработниц в семьях нового среднего класса, то, чтобы понять, как все устроено, имеет смысл трудоустроиться домработницей.

– **Исследование станет проживанием?**

– Да, это будет попытка прожить, или по крайней мере, приблизиться к жизни. Даже если эта попытка не всегда окажется успешной, неудача будет не менее информативной, не менее полезной для исследователя, чем успех. Стоит попробовать взглянуть на общество изнутри.

– **Подсматривание – это не изнутри?**

– Нет, подсматривание осуществляется не изнутри, оно всегда происходит извне. Так же как использование спутников-шпионов, подслушивающих устройств и проч. Изучать явление изнутри сложно, но одновременно с трудностями возникает масса возможностей. И если говорить о развитии этнографических методов, я бы выделил развитие этнографического живания. Причем, на мой взгляд, лучше идти открыто, говоря напрямую: «я хочу исследовать вас; позвольте мне это сделать и позвольте мне быть среди вас, делать то, что вы делаете». Может быть, побыть в подмастерьях. Если вы изучаете оленеводов – строить олени изгороди. Понятно, что на вас свалят черновую работу, но это будет способом вхождения в тему. Такое исследование вполне можно реализовать за одно лето. И кстати таким образом может произойти сближение между экономической социологией, которая исследует эмпирическую реальность хозяйства, и антропологией. ☞

Беседовал Иван Павлюткин

«Иди, товарищ, к нам в колхоз!»
Кораблева В.С., 1930. Источник:
www.plakaty.ru

⁵ Ссорин-Чайков Н., Соснина О. Постсоциализм как хронотоп: постсоветская публика на выставке «Дары вождям» // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/sso13.html>.

Интервью с Рене Алмелинг¹. Рынок телесных товаров: семьи на продажу

Рене Алмелинг

PhD по социологии, доцент
социологии Йельского
университета, США

Перевод с англ. Елены
Бердышевой

Рене Алмелинг (PhD, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес) – доцент социологии в Йельском университете, где она исследует вопросы пересечения экономической социологии, гендера, культуры и социологии медицины. Ее книга «Половые клетки: медицинский рынок яйцеклеток и спермы» будет опубликована издательством Калифорнийского университета (University of California Press) осенью 2011 г. В период с 2008 по 2010 г. Алмелинг являлась стипендиантом Фонда Роберта Вуда Джонсона (The Robert Wood Johnson Foundation, RWJF) по программе исследования политики здравоохранения в Калифорнийском университете в Беркли, где она начала работу над новой книгой о генетическом тестировании.

– В Вашей книге «Половые клетки: медицинский рынок яйцеклеток и спермы» представлено исследование рынка спермы

и яйцеклеток. Каким образом гендер определяет этот рынок?

– Размышлять о клинической пересадке донорских сперматозоидов и яйцеклеток стало возможно не раньше XX в. Хотя увидеть ребенка, выставленного на продажу, было бы шоком, а торговля человеческими органами находится под запретом, получение материальной компенсации донорами яйцеклеток и спермы сегодня является повседневной практикой. Несмотря на то что данная практика предполагает рыночный обмен, сотрудники банков яйцеклеток и спермы единодушно называют ее донацией. Вместе с тем в зависимости от пола донора возникают тонкие различия в том, что понимается под даром: передача яйцеклетки описывается как альтруистический дар, тогда как сдача спермы считается легким приработком (*easy job*). Принимая во внимание, что ооциты и сперма являются клетками одного типа – каждая содержит половину генетического материала, необходимого для создания эмбриона, возникает вопрос: как объяснить эти смысловые различия?

В своей книге я доказываю, что ответ на поставленный вопрос не сводится к биологии или технологии. Объединяя социологические теории рынка и теории тела в гендерных исследованиях, я концептуализирую рынки телесных товаров одновременно с точки зрения их организации и восприятия (*experienced*). А именно, я развиваю предложенную Вивианой Зелизер социологическую модель рынка, которая учитывает культурные, экономические и структурные факторы, дополняя ее биологическими факторами². На этом рын-

¹ Источник: The Market for Bodily Goods: Families for Sale. An Interview with Rene Almeling // Accounts. 2011. Vol. 10. No. 2. P. 2–3.

² Zelizer V. Beyond the Polemics of the Market // Sociological Forum. 1988. Vol. 3. P. 614–634.

ке принимать во внимание биологический фактор означает определять яйцеклетки и сперматозоиды как клетки, которые связаны с женским и мужским телами, а заодно и с гендерными ожиданиями женщин и мужчин.

В первой части книги я показываю, как взаимодействие перечисленных выше факторов порождает различия в организации рынков. Изучая историческое развитие донорства яйцеклеток и спермы, а также повседневные практики современных банков яйцеклеток и спермы, я обнаруживаю, что гендерное фреймирование донорства как дара или работы влияет на то, как строится бизнес донорских программ.

Во второй части книги я перехожу к описанию доноров, демонстрируя, что то, как организовано донорство за вознаграждение – как дар или работа – также серьезно сказывается на их переживаниях коммодификации тела, включая телесные практики донорства: то, как доноры говорят о деньгах, которые получают (как о даре в ответ на дар, который они сделали, или как о плате за хорошо сделанную работу), и то, как они обозначают свою связь с детьми, рожденными благодаря их донорству.

– Каковы, на Ваш взгляд, взаимоотношения между культурой и экономикой?

– Я считаю, что рынок половых клеток подрывает общепринятое культурное различие между публичной сферой рынка и частной сферой домашнего мира, ведь на продажу выставляется семья. Конечно, сотрудники донорских программ никогда бы не сказали об этом напрямую, а экономисты могли бы счесть ооциты и сперматозоиды или доноров, которые их предоставляют, реальными продуктами этого рынка. Но что эти клетки и доноры делают возможным, так это семью. Как следствие, существует напряженность между тем, что выставляется на продажу, и тем, что считается культурно допустимым, – напряженность, которой управляют банки спермы и яйцеклеток, используя альтруистиче-

скую риторику донорства. К тому же, учитывая, что женщины сильнее привязаны к дому и семейной жизни, донорство яйцеклеток за вознаграждение оказывается более существенным нарушением культурного различия домашнего мира и рынка по сравнению с оплачиваемым донорством спермы. Традиционно связь мужчин с домом определяется в терминах кормления, финансового обеспечения семьи, поэтому в случае с банками спермы ассоциация между денежным обменом и семейной жизнью не несет такой «угрозы», которая имеет место в случае с яйцеклетками. В результате при продаже яйцеклеток используется не только язык донорства, но и язык дара, который призван снизить культурную напряженность, возникающую в ситуации, когда женщине платят за яйцеклетки, благодаря которым появляются дети и создаются семьи.

– В чем этот рынок похож на рынки других товаров? В чем его отличия?

– Особенность рынков телесных товаров состоит в том, что они обычно в огромном количестве продуцируют противоречия. Наподобие рынка крови или органов³, суррогатного материнства⁴ или проституции⁵, рынок репродуктивных клеток вызывает отторжение, потому что человеческое тело наделяется экономической стоимостью. Хотя ученые и склонны полагать, что коммодификация тела по своей сути и в одинаковой мере предполагает унижение, на самом деле существуют считанные единицы эмпирических исследований опыта участников подобных рынков. Такие рынки также необычны тем, что товарный обмен сосуществует

с риторикой дара – вопрос, который, с моей точки зрения, нуждается в более тщательном социологическом изучении. Когда на рынках телесных товаров возникает риторика (фрейм) альтруизма? Как она мобилизуется и кем? Каковы ее эффекты? Например, риторика дара возникает на рынках крови, органов и суррогатного материнства, но не на рынке проституции. Сложно представить мужчину или женщину, занимающихся проституцией, которые заявляют о «дарении» секса в ситуации, когда их услуги оплачиваются. Но это именно то, что происходит с донорами яйцеклеток, донорами спермы и с суррогатными матерями. Одно из возможных объяснений заключается в том, что возникновение риторики дара оказывается более вероятным и устойчивым в случае, когда она относится к телесным товарам, жертвуемым женщинами, которых в соответствии с существующими культурными представлениями принято считать заботливыми и бескорыстными. Подобным образом риторика производства, возможно, чаще возникает для товаров, донорами которых оказываются мужчины. Впрочем, это все же не объясняет, почему риторика дара не появляется в случае женской проституции. Лесли Шарп предполагает, что дискурс донорства и коммодификация тела с большей вероятностью сосуществуют в медицинском контексте, что и подтверждается случаями, обсуждаемыми здесь (яйцеклетки, сперматозоиды, кровь, органы и суррогатное материнство в противопоставление проституции)⁶. Еще одно потенциальное объяснение состоит в том, что проституция не нарушает границы между семьей и рынком в той мере, в какой донорство яйцеклеток и суррогатное ма-

³ Healy K. Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

⁴ Markens S. Surrogate Motherhood and the Politics of Reproduction. Berkley: University of California Press, 2007; Teman E. Birthing a Mother: The Surrogate Body and the Pregnant Self. Berkley: University of California Press, 2010.

⁵ Bernstein E. Temporarily Yours: Intimacy, Authenticity and the Commerce of Sex. Chicago: University of Chicago Press, 2007.

⁶ Sharp L. The Commodification of the Body and its Parts // Annual Review of Anthropology. 2000. Vol. 29. P. 287–328.

теринство – рынки, где создаются дети.

– **Каким образом культурный подход может быть полезен при разработке социальной и экономической политики?**

– Я думаю, что дебаты вокруг политики, проводимой в отношении коммодификации тела, должны основываться на более глубоком понимании того, что действительно происходит, когда людям платят за части их тела. Вместо того чтобы полагаться на абстрактное разграничение дара и товара или семьи и рынка, необходимо проводить систематические эмпирические исследования рынков телесных товаров и услуг. Изучение вопроса, как подобные рынки работают на практике, позволит уйти от непрекращающихся споров по поводу того, ведет ли коммодификация к овеществлению или либерализации, дегуманизации или расширению прав и возможностей, поскольку ответы на нормативные вопросы подобного рода не могут быть даны априори. Коммодификация – не универсальный и не однородный процесс, она может иметь разные последствия для разных людей в разных ситуациях. Социальные ученые, работающие над данной проблематикой, могут внести вклад в политические дебаты, объяснив, как это работает на самом деле: структура и опыт коммодификации тела формируются под влиянием социальных категорий и социального неравенства, поскольку экономические ценности переплетаются с культурными нормами в особых организационных контекстах.

– **Какой совет Вы дали бы студентам-экономсоциологам, интересующимся исследованиями культуры, гендера и экономики?**

– Выбирайте тему, которая вас увлекает, так как может случиться, что вы будете работать над ней долгое-долгое время. Для данного проекта я взяла первое интервью в 2002 г., будучи аспиранткой первого года обучения, а закончила выверять редакторские правки книги только вчера. ЭС

**Подготовил интервью
Рурке О’Брайн**

Интернационализация российской экономической социологии за пять дней: третья летняя школа ЛЭСИ

Алиса Максимова

магистрант факультета социологии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь ЛЭСИ, Россия

Елена Бердышева

кандидат социологических наук, научный сотрудник ЛЭСИ, преподаватель кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ, Россия

С 6 по 11 июля 2011 г. работала очередная, третья по счету, летняя школа Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. На этот раз школа была посвящена проблемам и стратегиям интернационализации российской экономической социологии. В составе десанта, обосновавшегося в одном из пансионатов ближайшего Подмосковья, были не только сотрудники Лаборатории и кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ, но и студенты факультета социологии, которым в тот момент лишь предстояло принять решение о присоединении к ЛЭСИ, а также приглашенные профессора.

День первый. Оценка ситуации

В первый день проведения мероприятия руководитель Лаборатории Вадим Радаев дал установку собравшимся участникам: задачей последующих обсуждений должно стать выстраивание как индивидуальных, так и коллективных стратегий по интернационализации деятельности. После чего сотрудник Лаборатории

Елена Бердышева в своей презентации показала, какие перспективы по развитию личной академической карьеры открывает превращение Вышки в ведущий мировой исследовательский университет, описала имеющиеся в нашем вузе многообразные возможности по интеграции сотрудников в международное научное сообщество, а также, опираясь на результаты интервью с сотрудниками, очертила круг проблем, препятствующих этому процессу.

Начав в первый день работы с разговоров о проблемах, возникающих на пути интернационализации деятельности, участники школы не могли оставить без внимания особенности российской академической среды, которая в свете поставленной задачи интернационализации науки сталкивается с непривычными правилами игры и новыми стандартами качества работы.

Как и было обещано программой, вводное слово взял Вадим Радаев. И по традиции он предложил поговорить о рынках. А точнее, сосредоточиться на том, что научные проекты, реализуемые с прицелом на отечественный академический рынок, зачастую по своим образцам сильно отличаются от тех требований, которые предъявляются к исследованиям на международном академическом рынке. Эти различия затрагивают множество аспектов, начиная с того, каким образом выбирается тема исследования (возникает на фоне международной кооперации или диктуется локальными проблемами и интересами исследователя), и заканчивая тем, за какой срок реализуется проект (четыре-пять лет в случае интернациональных проектов и один-два года в случае российских). Исследования, о результатах которых мы читаем в рецензируемых зарубежных журналах, нацелены на развитие теории. Эта задача легко решается с использованием доступных западным исследователям готовых баз данных и с соблюдением жестких процедур научного вывода. Работы, наводняющие российский академический рынок, в свою очередь, сфокусированы на изучении (а желательно, и поиске решений) актуальных

социальных проблем. Такие проекты зачастую опираются на специально собранные, а потому менее масштабные эмпирические данные, далеко не всегда позволяющие получить устойчивые и воспроизводимые результаты. Таким образом, для российских исследователей интеграция в международное сообщество – это в том числе и процесс рефлексии по поводу методологических и институциональных установок, исходя из которых они выстраивают свою деятельность.

День второй. Международные публикации

Основной темой семинаров во второй день работы школы стала проблема подготовки российскими исследователями статей в международные рецензируемые журналы.

Доктор философии Стэнфордского университета, преподаватель ESSEC Business School Валерий Якубович выступил с докладом на тему «Стратегии публикации в западных рецензируемых журналах: взгляд из США». Он охарактеризовал процедуру публикации статей и дал полезные советы тем, кто хочет опубликовать свою работу в международном журнале. Имея опыт публикации в ведущих западных социологических журналах и являясь членом различных редакторских советов, Валерий Якубович рассказал о том, какие фильтры используются редакторами при отборе статей. Он поделился секретом, сформулировав его так: «первые пять страниц решают все». Это означает, что при оценке статьи редакторы в первую очередь обращают внимание на то, какую теорию она развивает, на какого типа данных написана, какую методологию применяет автор и на кого он ссылается. Эти критерии помогают редактору выбрать рецензентов, которые будут оценивать качество статьи. И потому, посоветовал Валерий Якубович, столь важно при выборе журнала для будущей публикации знание того, какие специалисты, сведущие в вашей теме, входят в редакторский совет. В заключение своего доклада Якубович подметил: имея на руках хорошую статью и полу-

чив, тем не менее, со стороны журнала «reject», ни в коем случае не стоит отчаиваться. Важно идти дальше, обращаться в другие журналы и т.д.

Продолжением выступления Валерия Якубовича в этот день стала презентация Татьяны Карабчук, в рамках которой давались рекомендации по поводу того, как подготовить статью по экономике или социологии для публикации в западном журнале.

Наконец, сотрудники Лаборатории — Елена Бердышева, Татьяна Карабчук, Зоя Котельникова и Иван Павлюткин, специально для летней школы ЛЭСИ опробовавшие на себе процедуру взаимного peer-review, отрецензировав статьи, которые каждый из них намерен со временем подать в зарубежные рецензируемые журналы, — поделились своими соображениями о том, какие типичные ошибки допускают российские авторы. Структура работы, стиль письма, способы представления полученных результатов и соотнесения их с текущей научной дискуссией — лишь некоторые проблемы, над которыми им еще предстоит поработать.

День третий. Международные исследования

Темой дискуссий в третий день работы школы стали международные исследовательские проекты. Николай Ссорин-Чайков, доктор философии Стэнфордского университета, научный сотрудник и преподаватель университета Кембриджа рассказал о том, как осуществляется международная кооперация в антропологических исследованиях на примере трех проектов, учрежденных научными организациями в США, Германии и Великобритании. Особое оживление у слушателей вызвал проект, реализуемый Matsutake World Research Group. Эта исследовательская команда занимается изучением взаимоотношений человека и ... изысканных грибов матцутаки. Участвующие в исследовании антропологи, географы, экономисты показывают, как ареалы произрастания этих диких, не поддающихся культивации, зато быстро портящихся грибов задают конфигурацию цепей поставок и глобальных

рынков их сбыта. В то же время сама исследовательская команда представляет собой международную междисциплинарную сеть специалистов, корнем профессиональной солидарности которых является интерес к изучаемому феномену. Таким образом, этот проект позволяет увидеть, как под влиянием тенденций интернационализации деятельности академическая жизнь начинает структурироваться по принципу ризомы – нелинейно, подвижно, без единого центра, но с высоким внутренним потенциалом развития.

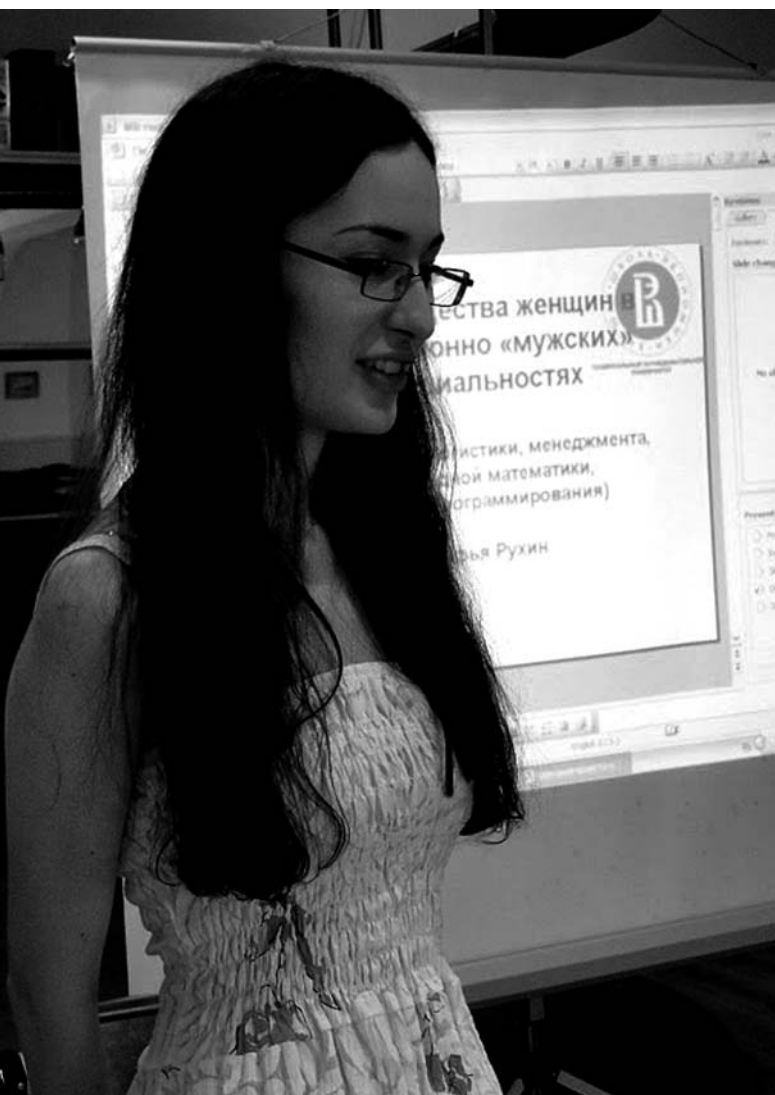
Обсуждения темы включения в международные исследовательские проекты продолжили Леонид Косалс и Татьяна Карабчук из Лаборатории экономико-социологических исследований. Они рассказали о своем опыте участия в международных исследовательских проектах, о том, какие неожиданные проблемы возникают, например, при попытке написать научную статью в соавторстве с зарубежным исследователем.

День четвертый.

Международные стандарты и образовательные программы

На Летней школе обсуждались также международные образовательные программы, способы организации преподавания, возможности получения ученой степени в России и за рубежом.

Максим Маркин и Елена Назарбаева ознакомили участников школы с результатами своего мини-исследования опыта студентов, участвовавших в программах академического обмена на факультете социологии НИУ ВШЭ. Они показали, что, хотя поездки в западные университеты оказываются для студентов ВШЭ отличным стимулом к учебе, система организации таких поездок пока еще далека от совершенства. Факультетам Вышки предстоит поработать над тем, каким образом следует осуществлять отбор желающих поехать на стажировку, как соотносить образовательные программы стажировки и учебные планы факультета, а также над тем, как помочь ребятам в преодолении бытовых трудностей, неизбежно возникающих вдали от дома.

Ольга Кузина в докладе «Смысл и функции оценивания в течение длинного учебного курса» представила несколько принципов преподавания, которыми руководствуются в ряде западных университетов, и в частности, в дружественной Вышке Лондонской школе экономики. Ее выступление повлекло за собой оживленные дебаты на тему: как нужно относиться к роли преподавателя, как справляться с недостаточной мотивацией студентов к учебе и как лучше поощрять студентов.

День пятый. Интеграция в международное научное сообщество

Сотрудник Лаборатории исследований науки и технологий при Институте статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Олеся Кирчик выступила с докладом «Интернационализация академической профессии в России». Она показала, что к концу 1990-х годов завершился переход от «национально ориентированной» к транснациональной модели научной коммуникации, что меняет соотношение сил между языками и между странами в пользу англоговорящих. На смену «гонке вооружений» пришла «гонка публикаций». И пока российские исследования и публикации в социальных и гуманитарных дисциплинах слабо видимы на международном фоне. Причин низкой интернационализированности российской науки много. Это и проблемы с финансированием, и отсутствие необходимой инфраструктуры, и административные барьеры, и сомнительный образ нашей страны в глазах западных коллег, и «закрытость» российской академической культуры. Впрочем, по мнению Олеси Кирчик, ситуация не безнадежна: развитие академической мобильности, публикации российскими исследователями статей в зарубежных журналах, создание международных журналов в России со временем позволят выправить ситуацию.

Доктор философии Бременского университета Крис Сводер, отработавший свой первый учебный год в Вышке в качестве доцента кафедры анализа соци-

альных институтов факультета социологии, в своем докладе сопоставил то, как устроены докторские программы в России, Германии и США, а также поделился своими впечатлениями о том, как выглядит академическая жизнь в ВШЭ глазами внешнего наблюдателя.

Наряду с семинарами и выступлениями почетных докладчиков на Летней школе проходили регулярные встречи, где обсуждались индивидуальные стратегии профессионального развития сотрудников Лаборатории. Это позволило всем ознакомиться с планами на ближайшие пять лет и актуальными интересами коллег, задать вопросы и предложить помощь в осуществлении намеченных проектов.

В этом году в проведении Летней школы участвовали также студенты факультета социологии, которым было бы интересно в ближайшем будущем стать сотрудниками Лаборатории. Они защищали исследовательские проекты, подготовленные заранее (проекты для будущего практикума по экономической социологии). Представленные программы исследований вызвали активную дискуссию, во время которой авторы проектов получили возможность ответить на вопросы и выслушать замечания и множество предложений, касаю-

щихся фокуса исследования, выбора подхода и теоретических источников.

(В)место отдыха

Популярностью на летней школе пользовались как рабочие, так и менее деловые мероприятия. Например, общий интерес вызвал совместный просмотр и обсуждение документального фильма «Sidewalk», снятого в продолжение одноименной этнографической работы Митчелла Данайера¹. Фильм, как и книга, посвящен исследованию жизни бездомных Нью-Йорка, зарабатывающих уличной торговлей подержанными книгами. Разнообразие тем комментариев и вопросов, которые были озвучены после просмотра фильма, в очередной раз подтвердило, что кинематограф дает обширный материал для социологического анализа.

¹ Duneier M. Sidewalk. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2000.

Помимо киносеанса, участники школы практиковались в тим-билдинге, в ходе чего выяснилось, что конкурсы на координацию усилий и умение договариваться друг с другом удаются сотрудникам Лаборатории так же хорошо, как и коллективные научные проекты.

* * *

Формат Летней школы помимо получения информации в ходе заслушивания докладов, проведения семинаров и презентаций позволяет неформально обсудить важные вопросы, связанные с текущими и планируемыми проектами, интересующими темами, перспективами исследований и кооперации. Наличие такой возможности было позитивно отмечено участниками при подведении итогов работы школы. Впрочем, времени, чтобы обсудить все проблемы со всеми участниками, как всегда, не хватило. Чем не повод для организации четвертой летней школы ЛЭСИ?

И целого мира мало

Call for papers. International Conference in Moscow «Embeddedness and Beyond: Do Sociological Theories Meet Economic Realities?». October 25–28, 2012

Status of the conference

Joint Interim conference of ISA RC02 «Economy and Society» and ESA Economic Sociology Research Network with the support of ASA Economic Sociology section.

Conference venue

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

Plenary sessions and featured speakers

Institutional change and social policy	Frank Dobbin, Wolfgang Streeck
Power of networks	Roberto Fernandez, Brian Uzzi
Culture and valuation	Marion Fourcade, Laurent Thévenot
Knowledge, technology, and markets	Karin Knorr-Cettina, David Stark

Mini-conferences and their coordinators

New theoretical perspectives in economic sociology	Patrik Aspers, Jens Beckert
Money, finance and society	Nigel Dodd, Alya Guseva, Olga Kouzina
Organizations and institutions in emerging markets	Neil Fligstein, Vadim Radaev
Emergence and Innovation in Markets and Organizations	David Stark, Valery Yakubovich
Gender and work transformation	Sarah Ashwin, Roberto Fernandez
Market society and moral order	Marion Fourcade, Kieran Healy, Philippe Steiner
Performing economy in a material World	Trevor Pinch, Gregory Yudin

Capitalist globalization and its alternatives

William Carroll,
Georgina Murray

Selection of participants

Selection of the Conference participants is made by mini-conference coordinators on the basis of submitted extended abstracts. Proposals can be accepted for oral presentation or as distributed papers. Full papers are submitted before the Conference.

Important deadlines

Deadline for submitting proposals	February 15, 2012
Acceptance notifications	April 1, 2012
Early registration	May 15, 2012
Late registration	September 15, 2012
Deadline for submitting full papers	September 15, 2012

Funding

No funding can be provided for traveling and hotel accommodation from the LOC Committee with the exception of featured speakers. All attendees, including other invited presenters, discussants, and coordinators, must pay registration fees.

Stipends for graduate students pursuing MA and PhD are provided on a competitive basis.

Contact information

Conference e-mail: esconf2012@hse.ru

Conference site: <http://esconf2012.hse.ru>

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономической социологии,
руководитель ЛЭСИ, первый проректор
НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

преподаватель кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ, научный
сотрудник ЛЭСИ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ, научный
сотрудник ЛЭСИ

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Редактору **Кларе Мироновне Канюк**

Корректору **Елене Евгеньевне Андреевой**

НАШИ АВТОРЫ

Николай Ссорин-Чайков

доктор философии (PhD по антропологии),
научный сотрудник и преподаватель
Университета Кембриджа, Великобритания

Рене Алмелинг

PhD по социологии, доцент социологии
Йельского университета, США

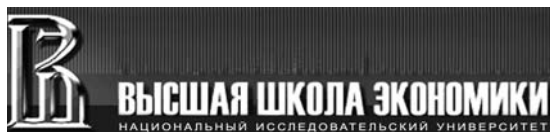
Алиса Максимова

магистрант факультета социологии
НИУ ВШЭ, стажер-исследователь ЛЭСИ,
Россия

Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник
ЛЭСИ, Россия

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

125319, Россия, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61
e-mail: ealexandrova@hse.ru
web: soc.hse.ru/ecsoclab/index.html

Адрес редакции

125319, Россия, г. Москва,
Кочновский проезд, д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
soc.hse.ru/ecsoclab/index.html